

Красин Ю.А.

Прорыв – в эпоху реформации

*Наши дух разорван между
«завтра» мира
И неизжитом предками
«вчера»
/Максимилиан Волошин/*

К 25-летию перестройки (2010) в Горбачёв-Фонде готовился проект, посвящённый предстоящему юбилею. На завершающей стадии подготовки выяснилось, что основные исполнители проекта при общности идейных позиций в оценке исторической значимости этого важнейшего события конца прошлого века в представленных ими материалах использовали разные способы и жанры подачи результатов исследования. Целесообразно было сохранить эту индивидуальную самобытность, разместив материалы проекта на сайте Фонда в качестве авторских статей под общей шапкой «Императивы XXI века и перестройка».

За 5 лет, истёкших с того времени, многое изменилось, но основные оценки статей не поколеблены. Это и дало мне основание предложить свой вариант подготовленного тогда материала для публикации (с незначительной правкой) в приложении к Вестнику Института социологии РАН в год 30-летия перестройки.

Апрель 2015 г.

В канун нового 1992 г. после отставки первого Президента СССР несколько сотрудников формирующегося Фонда Горбачёва размышляли о будущем страны и мира. «Вот и закончилась горбачёвская эпоха», – сказал один из присутствовавших. «Ничего подобного, – возразил Г. Шахназаров, помощник лидера перестройки, известный политолог, – эта эпоха только начинается». Его слова точно выражали общее для многих из нас ощущение, что феномен «перестройки» не канет в лету истории, что осуществлённые за семь лет перемены сдвинули глубинные пласты жизни социума, положив начало целой эпохе великой трансформации общества.

Ответ на вызов времени

С тех пор минуло более четверти века. Но перестройка не предана забвению. С дальней исторической дистанции суть и значимость такого масштабного события, оказавшего воздействие на развитие общества, видятся яснее и рельефнее. Детали, казавшиеся современникам важными, отступают на второй план. Зато, вписываясь в логику истории, на первый план выходят механизмы, раскрывающие философский смысл происходившего, демонстрирующие главные итоги, которые сохраняются в остатке после прохождения сквозь сито исторического времени.

Прошло достаточно времени, чтобы увидеть и оценить советскую перестройку в системе координат драматического процесса смены веков. Ушёл в историю XX век, который принёс человечеству множество трагедий и выявил значимые цивилизационные тупики. Наступил XXI век, который открыл заманчивую, но пока ещё туманную, полную рисков и неопределённости, перспективу. И это побуждает нас к новаторскому поиску новых методов социального действия и социального устройства.

Куда двигалась человеческая цивилизация в прошедшем столетии и каковы главные уроки этого движения?

Две опустошительные мировые войны показали, что в недрах цивилизации таились губительные пружины, которые фатально вели к военным катастрофам. Надо было что-то делать. Несмотря на разгром фашизма, пружины не ослабли и продолжали сжиматься. В этих условиях нависала угроза новой мировой войны, которая стала бы роковой. Ведь появилось ядерное оружие, способное в случае применения привести к гибели цивилизации и даже самой жизни на земле.

Таковы истоки и побудительные мотивы нового мышления – основополагающей идеи и мощного двигателя советской перестройки. С высоты сегодняшнего дня хорошо видно, что овладение новым мышлением побуждало к кардинальному реформированию советского общества. Приоритет общечеловеческих интересов и ценностей – стержень нового мышления – требовал буквально переворота в самом подходе к внутренней и внешней политике советского общества. Но это было невозможно без глубоких качественных изменений в экономике, социальной и духовно-идеологической сфере, образе жизни, мировоззрении, в самом восприятии окружающей действительности.

Того же требовала и начавшаяся во второй половине прошлого века глобализация, означавшая, что мир вступил в новую историческую эпоху длительного и постепенного превращения в целостный всемирный социум, связанный воедино глобальными потоками – финансово-экономическими, информационными, культурными, миграционными, – неподвластными национально-государственному контролю. При сохранении социокультурной идентичности и международно-правового суверенитета национально-государственные общности становились нераздельными звеньями одной глобальной системы с одной судьбой и общими заботами. Мы все на одном корабле и обязаны объединить усилия, чтобы выдержать надвигающиеся штормы и остаться на плаву. Социально-экономическая интеграция при всех противоречиях и конфликтах стала доминантой эпохи глобализации. Началось трудное и долгое, но неотвратимое продвижение многообразной и расколотой человеческой цивилизации к «миру миров» – неоднородному и в то же время формирующемуся и функционирующему как целостный социум.

Глобализация также бросила вызов «советской модели» социально-экономического развития. Проявив свою способность жёсткими мобилизационными методами справиться с задачами индустриализации страны, она оказалась бессильной в решении проблем перехода к постиндустриальному обществу, к инновационному типу развития, базирующемуся на «экономике знаний» и наукоёмких технологиях. «Советская модель», оставшаяся в наследство от сталинских времён, блокировала развёртывание творческого потенциала общества.

Для того чтобы ответить на вызовы глобализации и постиндустриализма, необходимо было менять модель развития советского общества. Другого пути, который вписался бы в русло глобального маршрута и одновременно вёл бы к решению внутренних проблем демократизации, у советского общества не было. Эта поистине всемирно-историческая потребность в демонтаже наследия сталинизма породила перестройку, определив её суть и основное содержание.

Пробуждение от спячки

Идея реформирования жёсткой общественной системы зародилась сразу же после разгрома фашизма во Второй мировой войне. Великая победа стимулировала свободомыслие и стремление к переменам. При жизни Сталина эта тяга общества к свободе была парализована идеологическим прессингом, сочетавшимся с репрессиями. Послевоенные кампании

«промывания мозгов» деятелям науки и культуры, пресловутая борьба с «чужеродным космополитизмом» были призваны пресечь в зародыше распространение бацилл вольнодумства, очистить сознание людей от «западных ересей», не допустить каких-либо сомнений в истинности догм ортодоксальной мифологии, на которых строилась политика сталинизма. Сама мысль о реформировании советской системы была под запретом.

Однако после смерти диктатора идея реформирования системы возродилась и буквально витала в воздухе. В обществе начались некоторые подвижки. Из тюрем и лагерей стали выпускать осуждённых за неосторожные слова или анекдоты. Слегка повеяло ветерком свободы. В интеллектуальной среде расширились возможности для дискуссий и обсуждений. Если раньше сомнения в непогрешимости официальных догм (а они, разумеется, были даже во времена самого застойного сталинизма) поверялись лишь близким друзьям, то теперь о них стали говорить вслух. Однако «дамоклов меч» сталинизма всё ещё висел над головами. Сохранялся жёсткий контроль над политической и духовной жизнью общества.

XX съезд КПСС (1956 г.) потряс тоталитарную систему. Разоблачение культа личности нанесло удар по догматической ортодоксии, всколыхнуло общество. Однако, начав критику сталинизма, Н. Хрущёв не мог довести это дело до конца. «Откровения» съезда несли в себе черты стратегии превентивной защиты авторитаризма, и поэтому были внутренне противоречивы и непоследовательны. Конструкция идеологической мифологии зашаталась, но до её полного развенчания и, тем более, до реального реформирования системы дело не дошло. Критика культа личности страдала половинчатостью и противоречивостью.

Не случайно уже после съезда, в июне того же года было принято Постановление ЦК КПСС о культе личности и преодолении его последствий. В нём предпринималась попытка свести концы с концами в объяснении причин и последствий культа личности. Но сделать этого не удалось. С одной стороны, утверждалось, что партия раскрывает народу всю правду, как бы она ни была горька. С другой стороны, отмечалось, что отдельные ошибки Сталина не изменили природы нашего общественного строя, нашей государственности, а нанесённый ущерб коснулся лишь отдельных сторон жизни советского государства. Уже тогда полуправда объяснений, прозвучавших на съезде и сформулированных в Постановлении ЦК КПСС, не удовлетворила мыслящих граждан. Конечно, время было другое. Поэтому

сомнения и неудовлетворённость не вылились в публичную дискуссию. Слишком сильна ещё была идеологическая догматика, да и система репрессий не исчезла.

Начавшиеся демократические перемены были дозированы и быстро заглохли. Консерваторы постарались выхолостить критическое содержание съезда и вскоре перешли в контрнаступление. Демократизация системы натолкнулась на мощные заслоны. Последовал консервативный откат. То же самое произошло с «косыгинской реформой» 1968 г. и другими попытками демократизировать сложившуюся советскую систему.

Тем не менее, съезд посеял семена грядущих изменений, пробудил и консолидировал поколение обновителей-шестидесятников. Истёкшие полвека наложили на события того времени патину забвения. В годы брежневского застоя правящая элита не любила вспоминать о XX съезде по умолчанию, а затем последовали коллизии больших перемен, которые заслонили собой «малую оттепель» тридцатилетней давности.

Молодому поколению трудно представить себе идейно-политическую атмосферу того времени. После долгой «репрессивной спячки» пробудилась живая мысль. Съезд дал импульс критическому переосмыслению советского опыта. И этот процесс сразу же пошёл значительно дальше того, что было сказано на самом съезде. Появились ростки критического мышления, рождалось понимание необходимости глубокого анализа противоречий становления и развития советского строя, создавших почву для тоталитарного сталинского режима.

Решения съезда создали первые предпосылки для творческого развития общественной мысли. Образовалась институциональная среда для учёных-обществоведов, был дан простор для дискуссий и обсуждений. На базе научных институтов сформировалась своего рода публичная сфера для общественного дискурса в среде интеллектуальной элиты того времени.

Наряду с этим возникли анклавные творческой мысли и в партийном аппарате. Среди них выделялись консультантские группы международных отделов ЦК КПСС. В этих центрах были собраны творческие кадры журналистов, учёных, публицистов. Они свободно обсуждали наиболее острые проблемы политики. Плоды академического и аппаратного свободомыслия растекались среди общественности, проникали в

журналистику, в педагогический процесс, в среду художественной интеллигенции.

Словом, лёд тронулся. Несмотря на сильное сопротивление консервативных сил, остановить движение за обновление было уже невозможно. Для реформаторов XX съезд КПСС стал своего рода знаменем. Значение съезда в сознании пробуждавшегося общества было столь велико, что консерваторы и ретрограды не решались выступить открыто против намеченного курса обновления. У сторонников реформ была возможность отстаивать этот курс. И в годы хрущёвского правления, и в дальнейшем на протяжении всего периода «застоя» борьба вокруг идей съезда продолжалась.

Под этим углом зрения вполне правомерно считать XX съезд КПСС предтечей российской реформации, начавшейся с середины 1980-х гг. Перестройка 1985–1991 гг. стояла на плечах XX съезда КПСС. Поэтому она пошла гораздо дальше, на «прорыв» в будущее. Открыв путь реформации российского общества и завершения «холодной войны», перестройка стимулировала долговременные исторические процессы, последствия которых станут определяющими и для нынешнего столетия, оставив глубокий след в истории.

Перестройка тоже не завершила своё дело. Она была прервана авторитарным «откатом». Но она вписалась в новейшую российскую историю как начало эпохи демократической реформации общества.

Насколько правомерно само понятие «демократическая реформация российского общества»? Этот вопрос в 1991 г. стал предметом дискуссии в рабочей группе, готовившей проект новой Программы КПСС. Предполагалось после всенародного обсуждения рассмотреть его на XXIX съезде партии, намечавшемся к концу года.

Ко времени работы над проектом Программы уже было ясно, что перестройка вызвала к жизни сложный, противоречивый и долговременный процесс фундаментальных преобразований всех сторон общественной жизни. Сама перестройка была началом, «прорывной» стадией этого процесса, которому до завершения эпохальной трансформации предстояло пройти целый ряд промежуточных стадий подъёмов и спадов, напряжений и пауз, «прорывов» и «откатов».

Часть членов рабочей группы предложила тогда для обозначения всего этого продолжительного по времени и неоднородного по содержанию процесса использовать понятие «демократическая реформация общества». Оппоненты резко возражали, усматривая в этом предложении принижение значения понятия «перестройка». Споры были бурными, порой принимали страстный характер. Документ под этим углом зрения несколько раз переписывался.

Тем не менее, в опубликованном для всенародного обсуждения тексте проекта программы предложение нашло отражение. В преамбуле к документу сказано: «Перестройка открыла простор давно назревшей **демократической реформации** всех сторон жизни. Процесс этот развивается противоречиво и сложно. Становление нового сопровождается социально-политической и межнациональной напряжённостью, экономическим кризисом, крупными сдвигами в общественном сознании»¹. И далее в концовке IV раздела документа отмечается: «В развитии нашей государственности, в осуществлении **демократической реформации общества** (в обоих случаях курсив мой – Ю.К.) и эффективной внешней политики, направленной на обеспечение мира и интеграции страны в мировое сообщество, партия видит единый общенациональный интерес, который образует основу для гражданского согласия»².

Августовский путч 1991 г. помешал публичному обсуждению этого вопроса, как и в целом проекта программы, несомненно социал-демократической по своим основным параметрам. Однако последующий ход событий подтвердил правоту тех, кто видел в перестройке начало сложного по структуре и длительного исторического процесса фундаментальных преобразований российского общества.

Рождение перестройки

В марте 1985 г. Генеральным секретарём Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза был избран молодой и энергичный член Политбюро ЦК М. Горбачёв. Страна получила нового лидера. Эта весть была встречена в обществе с одобрением. Люди ожидали перемен к лучшему. К тому времени советская система столкнулась с ежегодно нараставшими трудностями. Экономика стагнировала и всё чаще

¹ Правда. 8 августа 1991 г.

² Правда. 8 августа 1991 г.

давала сбои. Особенно плохо обстояли дела с сельским хозяйством. Страна, когда-то бывшая экспортёром зерна, была вынуждена в возрастающих объёмах закупать сельскохозяйственную продукцию за рубежом. Производственная сфера оказалась неспособной к освоению достижений научно-технической революции. Отсутствовали стимулы к обновлению, к прогрессу и просто к эффективному труду работников производства. Мобилизационная модель управления экономикой, которая работала в 1930-е годы, период индустриализации страны, исчерпала себя. Широко разрастались метастазы теневой экономики, ставшей почвой для распространения коррупции.

Тяжким бременем для экономики были военные расходы, связанные с «холодной войной» и гонкой вооружений. Государственные структуры окостенели и стали едва ли не главным тормозом развития экономики и общества. Всё это сказывалось на общественной атмосфере, подрывало идеологические и нравственные устои, веру граждан в социальную справедливость и идеалы социализма. Общество и сама власть всё острее ощущали потребность в реформах. В КПСС, государственных и общественных организациях возникли реформистские течения; всё активнее действовали диссидентские движения. Появление Горбачёва было подготовлено всем ходом развития советского общества.

Вначале новый лидер не посягал на устои существовавшей системы. Усилия были направлены на то, чтобы задействовать её собственные ресурсы. Была выдвинута стратегия «ускорения» научно-технического и экономического развития. Однако очень быстро обнаружилась её неэффективность. Меры по ускорению развития наталкивались на инертность предельно централизованной и бюрократизированной плановой системы. Рыночные механизмы практически отсутствовали. Требовалось не просто ускорение, а реформирование экономической системы, перестройка общества, перевод его в качественно новое состояние.

Ради достижения этой цели были приняты законы о реформах рыночного характера, об индивидуальной трудовой деятельности, о социалистическом предприятии, о кооперации. Однако реализация этих реформ, приоткрывавших дверь к рыночной экономике, по существу блокировалась государственной и хозяйственной бюрократией, которая не могла и не хотела отказаться от командно-административной системы управления экономикой. В книге английского политолога А. Брауна о

Горбачёве справедливо отмечается, что «... в попытках радикальной перестройки экономической системы Горбачёв столкнулся с наиболее эффективным сопротивлением со стороны именно тех учреждений, которые были необходимы как для повседневного функционирования экономики, так и для осуществления реформы»³.

До сих пор многие считают ошибочным и преждевременным обращение перестройки к реформированию политической системы. Вспоминая о тех временах, Н. И. Рыжков, возглавлявший тогда правительство, видит «главную ошибку» в том, что, «не закончив экономические, ... начали одновременно заниматься и политическими делами... Надо было сначала создать систему, а потом уже переходить со старых рельсов на новые»⁴.

Получается, что экономические реформы следовало осуществить в рамках старой политической системы, блокировавшей эти реформы. Другой активный участник горбачёвской команды В. А. Медведев справедливо возражает Н. И. Рыжкову: «О создании какой «системы» здесь идёт речь? О реальной общественной системе или её теоретической модели? Но выстраивание модели и тем более практическое её осуществление невозможны без учёта неразрывного органического единства общественно-политического и социально-экономического компонентов»⁵.

Сам опыт развития перестройки показал невозможность проведения полноценной экономической реформы без коренной перестройки политической системы. Главным рубежом поворота в этом направлении стала XIX партийная конференция (июнь 1988 г.), выдвинувшая программу реорганизации политической системы. Произошло разделение государственных и партийных функций, власть должна была перейти к Советам, выборы депутатов стали проводиться на альтернативной основе, начала формироваться многопартийная система. Демократизация коснулась и средств массовой информации: фактически была отменена цензура, а затем принят закон о СМИ, закрепивший свободу печати. Таким образом, намерения и стратегические установки руководителей перестройки эволюционировали вместе с динамикой преобразований. Образно об этом сказал бывший тогда президентом Франции Ф. Миттеран: «Горбачёв напоминает мне человека, решившего закрасить грязное пятно на стене

³ Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1996. P. 132.

⁴ Независимая газета. 20 апреля 2010 г. Приложение «НГ Политика». С.11.

⁵ Независимая газета. 18 мая 2010 г. Приложение «НГ Политика». С.10.

своего дома. Но, начав зачищать стену, увидел, что шатается один из кирпичей. Попробовав его заменить, он обрушил всю стену, а принявшись её восстанавливать, обнаружил, что сгнил весь фундамент дома»⁶.

Была ли у реформаторов целостная концепция и продуманная стратегия преобразований? Ещё накануне перестройки, в годы брежневского застоя, в общественном мнении утвердилось понимание необходимости перемен, выраженное формулой «Так жить нельзя». Демократически настроенная часть интеллигенции обсуждала характер и содержание назревших реформ. Горбачёв и его соратники, придя к власти, начали реформаторскую деятельность не с чистого листа. Они понимали, что основное содержание реформ – это демократизация советского общества и налаживание рыночных механизмов экономики. Эта общая направленность стратегии реформаторов прослеживается через все этапы перестройки.

Противники критикуют Горбачёва за то, что перестройка не стала антиподом социализма. Смысл перестройки, теоретические постулаты и стратегические установки, которые лежали в её основе, – это обновление социализма. Да, этой цели не удалось добиться из-за окаменелости «реального социализма», непробиваемого консерватизма его защитников, безумного нетерпения «либерал большевиков». Да, императивы надвинувшейся эпохи великих перемен в цивилизационном развитии человеческого социума диктовали необходимость «коперниканской революции» в теоретическом осмыслении мира. Но эта работа и сегодня лишь в самом начале. Философия, по определению Гегеля, – «эпоха, постигнутая в мышлении»⁷. В этом смысле мы находимся только у колыбели философии нашего времени.

Осуществляя прорыв к реформации советского общества и мировой реальности, перестройка и так дала сильнейший импульс гуманитарному познанию в СССР, да и в других странах мира. Ключом забила живая общественная мысль, долгие годы задыхавшаяся под коростой официальных догм. Но концепция перестройки не могла строиться на «великом отрицании» теоретических представлений, утвердившихся в общественном сознании того времени. Общество не поняло бы её, да и «прорабы» перестройки не имели для этого достаточного социального опыта, уж не говоря о том, что политические акторы, вознамерившиеся отринуть «теорию

⁶ Цит. по: Грачёв А. Доспорить с историей // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. Критический анализ. М., 2005. С. 284.

⁷ Гегель. Сочинения. Т. VII. Москва-Ленинград: Соцэгиз, 1934. С. 16.

социализма» не имели никаких шансов занять влиятельные позиции у рычагов реальной политики.

Поэтому перестроечное видение мира формировалось в русле обновления концепции социализма, развития её на основе социальных практик на пороге XXI века. Это давало достаточно широкий простор для плюрализма и диалога разнообразных идейных и политических течений. Пространство их взаимодействия выходило за пределы тематизации проблем обновления социализма. Одновременно открывалась перспектива возрождения социалистической идеи уже не в качестве модели особого общества (формации, строя, образа жизни), а как системы ценностей, производных от общего блага, сосуществующей в динамичном социуме с другими системами ценностей (частными, корпоративными, либеральными, консервативными).

Такова была открывавшаяся перспектива. Но она блокировалась радикальным либерализмом, ратовавшим за монополию либеральной системы ценностей и требовавшим от перестройки полного разрыва с социализмом. Позднее, в 1990-е гг. социалистическая идея подверглась буквально остракизму, и российское общество получило «либеральную модель» «дикого капитализма». Однако в первом же десятилетии нового века мировой экономической кризис и его последствия наглядно показали всю значимость ценностей общего блага и социальной солидарности, а следовательно, и социалистической идеи для современного общества. В этом свете идея обновления социализма в перестроечной концепции выглядит совсем не данью устаревшим традициям советского общества. Эта идея шла и идёт навстречу императивам XXI века для российского социума и даже для мирового сообщества.

Надо вообще отметить, что теоретическая концепция, стратегия и методы перестройки не были разделами заранее подготовленной кабинетной доктрины. Их приходилось отрабатывать «на марше», двигаясь на ощупь, постоянно корректируя политику, порой допуская ошибки и просчёты. Сама перестройка была практической средой, формировавшей плоть и кровь стратегии и программы горбачёвской команды. Результаты этой работы и были подытожены в проекте новой программы партии (август 1991 г.), где с социал-демократических позиций системно сформулированы и обоснованы цели реформирования, пути и средства их достижения.

К сожалению, стремительный ход событий, стечение неблагоприятных обстоятельств, допущенные ошибки помешали привести эту программу в действие. По мере углубления демократических преобразований системные реформы сталкивались с нарастанием трудностей и сопротивлением как консервативных, так и радикальных сил. Закостеневшая за долгие годы авторитарного правления советская система плохо поддавалась изменениям. Неблагоприятная внешняя конъюнктура (цены на нефть упали ниже 12\$ за баррель) лишила реформаторов финансовых ресурсов. Снижение жизненного уровня населения подрывало массовую поддержку реформ.

Сыграла свою роль и двусмысленная позиция западных лидеров. Они воспользовались плодами перестройки на мировой арене, но не поддержали Горбачёва кредитами в решающий момент, переориентировавшись на поддержку Ельцина. Роковым обстоятельством стало то, что политическая борьба вокруг перестройки развернулась по конфронтационному сценарию: консерваторы vs либералы. И те и другие обрушились на перестройку с резкой критикой, лишив её платформы национального согласия. Дело закончилось августовским путчем 1991 г., распадом Советского Союза и отставкой Горбачёва.

Масштаб измерения

Чтобы понять историческое место перестройки, надо взглянуть на неё в более широкой системе координат, определить масштабы времени для оценки происходящих в России перемен. В связи с усилением в стране авторитарных тенденций иногда высказывается мнение, что российское общество приближается к исходному пункту реформации. С этих позиций, по сути, перечёркивается историческое значение перестройки. По своему преобразовательному потенциалу она выглядит бесплодной: импульс к переменам угасает, и всё возвращается на круги своя.

Методологические корни этой ущербной оценки заключаются в том, что для измерения значимости перестройки используются зауженные исторические масштабы. Понимая условность исторических аналогий, обратимся к Великой французской революции, которая задала тон всему европейскому, да и мировому развитию в XIX столетии. Отсчитаем от 1789 г. три десятилетия вперёд и попробуем оценить начальный этап революции с этого временного интервала. Что произошло во Франции? Что случилось с революционным энтузиазмом, сокрушившим королевский деспотизм? Куда подевались идеалы свободы, равенства и братства, которыми вдохновлялись

демократы якобинцы и либералы жирондисты? После опустошительных наполеоновских войн на трон вновь вошёл король. Всё как будто бы вернулось в первоначальное состояние. Штурм Бастилии выглядел лишённым смысла. Понадобилось ещё полвека, чтобы практика истории дала возможность общественной мысли найти более взвешенную меру исторической значимости героико-романтического периода Французской революции.

Сопоставим этот пример с тем, что произошло за последние десятилетия в России. Прошло слишком мало времени для того, чтобы правильно расставить акценты в трактовке этапов российской реформации и, следовательно, дать более или менее полную оценку значимости перестройки как первого «прорыва», в котором потенциально заложены многие возможности и тенденции, часто разнонаправленные и антиномичные. Поскольку развитие российского общества не предопределено и открыто в будущее, то должен пройти значительно больший промежуток времени, чтобы освободиться от пристрастий и понять, какие векторы возобладали в реальности. Только тогда можно делать далеко идущие теоретические заключения. Как гласит философская мудрость, сова Минервы вылетает в сумерки.

Несомненно, однако, что в середине 80-х гг. прошлого столетия в российском и мировом развитии произошёл глубокий поворот, основательно повлиявший на судьбы мира. После такого масштабного поворота возврат к старому просто невозможен: изменились обстоятельства, устои бытия, экономические отношения, другими стали положение и статус людей, соответственно модифицировались их взгляды и умонастроения, менталитет и психология. Пошёл процесс глубокой трансформации общества, отвечающий его давно назревшим потребностям.

Очевидно, столь глубокая трансформация не может осуществиться быстро и прямолинейно. Три десятилетия – это лишь отрезок эпохи обновления и перемен, на протяжении которой неизбежны драматические конфликты, кипение страстей, нелёгкий поиск новых форм жизнедеятельности и управления, чередование инновационных этапов с фазами застоя и откатов от достигнутых рубежей. Если на какой-то стадии делаются попятные шаги, то это не даёт основания для перечёркивания всего процесса и потери перспективы смены звеньев в цепи происходящих перемен.

Вместе с тем, 30 лет – срок вполне достаточный для того, чтобы оценить ретроспективу российской реформации и тем самым полнее определить место и роль перестройки в этом процессе. Это тем более важно потому, что нередко предпринимаются попытки вывести перестройку за скобки демократических преобразований. Происходит своего рода абберация исторического видения: вроде бы перестройка признаётся как реальный факт, но демократические реформы исчисляются только с конца 1991 г., с момента прихода к власти радикальных реформаторов. До этого, мол, в стране существовал коммунистический режим, а значит, демократических реформ не могло быть по определению. Такой подход грубо искажает историю российской реформации вопреки хорошо известным фактам и просто здравому смыслу.

Этапы российской реформации

Следуя российской традиции выделять исторические периоды по первым лицам (будь то цари или генеральные секретари), обозначим в цепочке российской реформации основные этапы и попытаемся определить место каждого из них в динамике общественного развития.

Первый, горбачёвский этап (1985–1991) по внешним признакам можно условно определить как ***романтический***.

Прорыв к свободе имел для советского общества опьяняющий эффект. Важнейшим следствием этого прорыва стала гласность. Люди перестали бояться высказывать своё мнение. Общество заговорило о наболевших проблемах, а заговорив, стало размышлять и включаться в публичную политику. В годы перестройки в недрах самого общества широко развернулись демократические тенденции и соответствующие формы их реального проявления. Никто не навязывал их людям. Просто они получили реальную возможность общественно-политического самовыражения и воспользовались ею.

Перестройка создала классическую ситуацию негативной свободы в либеральном понимании – свободы от тирании власти. В действиях людей было много наивного и романтического, что позднее, в ельцинский период, обернулось против «низовой» демократии и позволило власти сравнительно легко её обуздать. Но романтика перестройки была не маниловским мечтанием, а поиском способов и средств вовлечения демократической энергетики самого общества для решения лавины вполне конкретных,

земных проблем (экономических, социальных, политических, культурных), с которыми это общество столкнулось. Именно в годы перестройки с наибольшей силой проявилась та самая энергия самодеятельности, которая лежит в основе демократии и гражданского общества. Позднее, в постперестроечный период, уже никогда не было таких благоприятных условий для развития гражданского общества. В соответствии с этим важнейшим критерием – участием масс в политическом процессе – перестройка была высшей точкой демократии за все истёкшие годы российской реформации.

В то же время возникла неотъемлемая институциональная структура демократии, её символом был свободно избранный парламент. Вся страна с упоением наблюдала и слушала выступления депутатов, действительно выражавших интересы общества. Тогда же (июнь 1990 г.), а отнюдь не в ельцинский период, впервые в истории страны был принят демократический по содержанию закон о средствах массовой информации. Цензура, как уже упоминалось, была упразднена ещё раньше, и свобода печати фактически существовала в таком объёме, как ни в какой другой период новейшей российской истории.

Конечно, нарождавшейся демократии ещё предстояло стряхнуть с себя тяжкий груз авторитарного наследия, которое пронизывало все поры общества, глубоко коренилось в сознании и психологии людей. Ни творцы перестройки, ни тем более рядовые граждане не представляли себе всего объёма и сложности задач, которые нужно было решить для утверждения демократии в России. Всех захватила завораживающая романтика свободы. Было немало иллюзий и несбыточных надежд, которые постепенно улетучивались по мере того, как перестройка натыкалась на всё более серьёзные преграды.

Срыв перестройки, завершившийся отставкой Горбачёва, – основной аргумент для тех её критиков, которые ведут исчисление российской реформации только с 1991 г. В их интерпретации, перестройка – бесплодная утопия, и её цель – демократическое преобразование коммунистической системы – в принципе недостижима, потому что система эта по своей природе не поддаётся реформированию. Разбирая эти доводы, американский профессор С. Коэн справедливо замечает, что именно горбачёвские реформы в основном демонтировали советскую систему: «Для объяснения этого, – пишет он, – необходимо учесть такие немаловажные факторы, как

длительное воздействие идей антисталинизма, уходящего корнями в 1930-е и даже в 1917 гг.; политическое наследство Никиты Хрущёва, в том числе зарождение в недрах КПСС протореформенной партии; растущая открытость советской элиты по отношению к Западу, расширявшая её представления об альтернативных путях развития (как социалистического, так и капиталистического); глубокие изменения в обществе, совершившие десталинизацию системы снизу; рост социально-экономических проблем, стимулировавший прореформенные настроения на всех ступенях общества; и, наконец, незаурядное во всех отношениях руководство самого Горбачёва, которое не стоит недооценивать»⁸. Реформируемость стала возможной, считает американский профессор, потому что «в системе с самого начала была заложена двойственность, делавшая её потенциально реформируемой и даже готовой к реформам. С формальной точки зрения, в ней присутствовали все или почти все институты представительной демократии: конституция, предусматривавшая гражданские свободы, законодательные органы, выборы, органы правосудия»⁹.

Всё, что требовалось для начала демократических реформ, – это желание и умение устранить авторитарные противовесы этим институтам.

Касаясь рассматриваемой темы, Горбачёв позднее справедливо заметил, что, по его мнению, «нереформируемых общественных систем не бывает». А затем, перечислив изменения, вызванные перестройкой, он подтвердил свою мысль весьма убедительным аргументом: ещё до августовского путча 1991 г. и роспуска Советского Союза, которые остановили перестройку, она уже модифицировала систему, в частности, осуществила смену политического режима¹⁰.

Главное состояло не в романтических иллюзиях, которые несомненно были, а в том, что перестройка дала мощный импульс демократическим переменам, пробудившим массовый энтузиазм и общественную самодеятельность. Перестроечный заряд демократизма столь велик, что и поныне остаётся источником энергии для защиты и развития демократического содержания российской реформации.

Второй, ельцинский этап реформации (1991–1998) можно охарактеризовать как *разрушительный, утилитарно-прагматический*.

⁸ Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.–СПб.: АИРО-XXI, 2007. С. 54.

⁹ Там же С. 54–55.

¹⁰ Горбачёв М. С., Славин Б. Ф. Неоконченная история. Три цвета времени: Беседы М. С. Горбачёва с политологом Б. Ф. Славным. М., 2005. С. 208–209.

На смену демократическому романтизму пришёл трезвый расчёт в борьбе за власть и раздел государственной собственности. Обществу был навязан радикально-либеральный политический курс, который осуществлялся антидемократическими мерами. Это проявилось в авторитарной приватизации собственности, в демонстративном расстреле парламента в 1993 г., в президентских выборах 1996 г., ставших своего рода кульминацией поправок демократии. Рейтинг Ельцина в канун выборов не превышал 5% (показатель отношения к нему населения), и, тем не менее, усилиями олигархов он был возведён в президенты. «Откат» от демократии в период ельцинских реформ был закреплён Конституцией 1993 г., в которой за демократическим фасадом утверждалась по существу неограниченная власть президента.

Анализируя политическую ситуацию 1990-х гг., С. Коэн пишет, что за терминами «политическая реформа» и «демократизация» скрывалась «едва замаскированная форма российского авторитаризма». Президент был «не столько *гарантом демократии*, сколько *гарантом олигархии*»¹¹.

Через грубейших нарушений правовых и нравственных норм сопровождалась разрушением рычагов и механизмов государственного регулирования, что неизбежно стимулировало рост анархических тенденций, беззакония и криминального произвола. Подобная практика подорвала легитимность либеральных реформ, обрекла их на неудачу и ввергла экономику и общество в глубочайший кризис. Российские радикал-либералы выпустили из бутылки джинна эгоизма и разобщения, сломав одновременно государственно-правовые ограничители. В океане разбухнувшей стихии частного и группового эгоизма ослабленное государство утратило способность отстаивать общенациональные интересы и само стало объектом приватизации со стороны наиболее мощных олигархических групп и государственной бюрократии. Показательно, что позднее, оценивая на собственном опыте ельцинское правление, большинство российского населения высказалось о нём негативно. Согласно опросу 2005 г., избрание Ельцина президентом России 51% россиян характеризовал отрицательно, и только 22% положительно¹².

Разрушительные последствия радикальных реформ для демократии, социальной сферы, экономики, для жизненного уровня населения были столь

¹¹ Cohen S. Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia. N.Y.-L., 2000. P. 31–32.

¹² Горшков М, Петухов В. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. Критический анализ. М., 2005. С. 386–387.

велики, что дали основание некоторым специалистам охарактеризовать ельцинский период как эру «контрреформ» и «упущенных возможностей»¹³.

Третий, путинский этап реформации (1998–2008) можно рассматривать как период *административно–государственной стабилизации*.

Став сначала премьер министром, а затем президентом, В. Путин сосредоточил усилия на укреплении административной вертикали власти. В обстановке произвола и хаоса, воцарившихся в России в 1990-е гг., институциональное упорядочение политических отношений, укрепление расшатанной государственности стали императивно востребованными. Кто бы ни оказался на месте Путина, он вынужден был бы в первую очередь заняться укреплением административных рычагов государственной власти. Так, обретя в ельцинский период фактическую независимость от центра, многие губернаторы зачастую саботировали распоряжения правительства. Что оставалось делать президенту? Приходилось строить иерархию административного подчинения, в том числе не выбирать, а назначать губернаторов. С формальной точки зрения, это – отступление от демократических принципов, а фактически, при слабости гражданского общества и отсутствии традиции демократической культуры управления, – административный ресурс укрепления государственности.

Курс президента на усиление управленческой вертикали и развитие «управляемой демократии» стал, по сути, альтернативой наметившемуся полному распаду государства. В нём нашли отражение реальные потребности российского общества. Потеря управляемости привела бы страну к полному хаосу. Даже американский политолог З. Бжезинский, откровенный противник нынешних российских порядков, признаёт: «Восстановление в определённых границах того, что можно было бы назвать «законом и порядком», требует в России ограничений некоторых аспектов классической свободы, установившейся на волне крушения советской системы»¹⁴.

Вместе с тем курс на административное упрочение государственности таит в себе определённые опасности для демократии. В российском обществе с его глубокими авторитарными традициями «упрочение государственности», как правило, сопровождается «усилением авторитарных

¹³ Reddaway P., Gliniski D. The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. Washington, 2000.

¹⁴ Brzezinski Z.. The Privacy of History and Culture // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12. № 4. P. 21.

тенденций». В соответствии с давней российской традицией, тонкая грань между сильной государственностью и авторитаризмом размывается, что чревато угрозой превращения властных функций в иерархическое администрирование. Как отмечал известный социолог Ю. Левада, одним из основных результатов укрепления вертикали власти стала «фактическая деполитизация политического пространства в стране. Административный стиль правления и соответствующий ему аппарат распределяет материальные и властные ресурсы, а не отстаивает какие-либо идеи» (деполитизация власти означает «переход от политических к административно–технологическим методам управления»)¹⁵.

Оторванное от политики управление становится предметом забот не столько политиков, сколько технологов-профессионалов, которые руководствуются исключительно управленческой логикой. Логика же интересов, составляющая главное содержание политики, по сути выводится за пределы процесса принятия решений. Между тем политическое управление, в отличие от административно-технократического, отдаёт первенство именно общественным интересам и, следовательно, ориентируется на широкий публичный дискурс, позволяющий выявлять, сопоставлять и аккумулировать весь спектр существующих в обществе позиций, искать компромиссные варианты достижения намеченных целей.

Поэтому выстроенная в путинский период административная вертикаль власти, к тому же с применением ручного способа управления, вступила в противоречие с развитием демократии, которая, в противоположность авторитаризму, нуждается в политическом управлении и развитии публичной сферы.

Непрекращающийся в годы путинской стабилизации рост избыточного социального неравенства и вызванное им «сословное» расслоение общества привели к усилению авторитарных тенденций. Во второй половине нулевых годов текущего столетия стала обнаруживаться неэффективность жёстко централизованной и подверженной коррупции бюрократической вертикали управления. Растущий дефицит общественной энергетики дал стимул перерастанию «стабилизации» во второе издание «застоя». Всё острее ощущалась потребность в мерах, ограждающих общество и граждан от произвола «власть и богатство имущих».

¹⁵ Левада Ю. Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 2. С. 11–12

Складывалась парадоксальная ситуация. Модернизация стучится во все двери. От её креативного содержания – перехода к ИТР – зависят как исход масштабной трансформации страны, так и её положение в глобальном мире. И вместе с тем все попытки «прорыва» в этом направлении наталкиваются на инерционность и тормозные механизмы политической системы. В недрах российского общества возникло противоречие между потребностью в «инновационной модернизации» и преобладающими трендами социально-политического развития.

В 2008 г. истёк второй срок президентства Путина. Президентом на очередной четырёхлетний срок был избран Д. Медведев. Имеются ли достаточные основания для выделения его президентства в очередной этап российской реформации? Пока это недостаточно ясно определилось. Новый президент, правда, выдвинул широкую программу модернизации России. Однако создаётся впечатление, что на практике решающий выбор ещё не сделан, существует противоречие между принимаемыми проектами и условиями их реализации. Проекты живут своей виртуальной жизнью, а политическая система по-прежнему мешает их претворению в реальную модернизацию общества. Вроде бы на словах признаётся, что и политическая система должна модернизироваться, но пока слишком мало признаков осуществления этой цели даже на концептуальном уровне.

Отличительной чертой этого периода правления остаётся пока неопределённость выбора, а значит и программы реального действия. Всё идёт по наезженной колее предшествующего этапа. Вряд ли виртуальное станет реальным, и модернизация пойдёт по демократическому пути, намеченному ещё перестройкой. Скорее всего, время медведевского президентства будет частью того же путинского этапа. Об этом говорит и то обстоятельство, что Путин никуда не ушёл, что как премьер министр России он остаётся в тандеме власти на вершине власти¹⁶.

Связь времён: баланс потерь и приобретений

Периодизация российской трансформации после начала перестройки и до наших дней необходима, но недостаточна для описания общей траектории российской реформации. Не менее важно проследить историческую преемственность этапов, выявить «связь времён», оценить меру

¹⁶ В 2012 г. президентом России вновь избран В. Путин, и можно утверждать, что четыре года президентства Д. Медведева не прервали путинского этапа реформации, оказавшегося весьма длительным. Это не значит, что он не может быть разделён на несколько относительно самостоятельных стадий.

общественных потерь и приобретений в процессе преобразований. Решить эту задачу не так просто, поскольку она прямо затрагивает политические позиции и убеждения акторов процесса, и, следовательно, связана с острым идеологическим противоборством. Естественно, главные узлы противостояния находятся на стыках этапов; там лоб в лоб сталкиваются взгляды сторонников и противников изменения курса политики реформ.

На протяжении двух десятилетий не прекращаются горячие споры политиков и политологов о том, какова взаимосвязь горбачёвского и ельцинского периодов реформации. Выше уже показана несостоятельность утверждений радикально-либеральных теоретиков, будто бы при Горбачёве серьёзных реформ не было, и только в ельцинский период началась действительно демократическая реформация России. Но столь же несостоятельно и отождествление двух периодов. Приход к власти радикальных демократов явно означал «откат» от демократических завоеваний перестройки.

Конечно, трансформационные процессы, инициированные в горбачёвский период, были настолько фундаментальны, что их нельзя было повернуть вспять. Набранную инерцию общественных перемен было уже не остановить. Хотя и в деформированном виде, начавшаяся в годы перестройки трансформация продолжалась: происходило становление частной собственности и рыночных отношений, формировалась новая социальная структура общества. Однако парадигма реформации изменилась.

Перестройка при всех колебаниях и ошибках в целом развёртывалась в коридоре возможностей реформируемого советского общества, шла по эволюционному пути трансформации государственности, открывая перспективу консолидации расколотого общества и достижения «исторического компромисса» между разными общественными силами. Напротив, острое радикально-либеральное курс было направлено на «слом» государства («большевизм наизнанку»). Была предпринята попытка разрубить нити исторической преемственности в развитии российского общества. Столь крутой поворот от постепенности к радикальным переменам и экстремистским методам позволил некоторым аналитикам утверждать, что ельцинские реформы выглядят не как прогресс, а, скорее, как регресс. По сути дела, дорога консолидации и эволюционного развития демократии оказалась закрытой¹⁷.

¹⁷ Cohen S. Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia. N.Y.-L., 2000. P. 39.

Исследования международного опыта перехода от авторитаризма к демократии, в частности, в странах Восточной Европы и Латинской Америки, показывают, что наибольшего успеха в демократической модернизации достигают те страны, где в обществе удаётся сохранить согласие, где достигается компромисс между реформаторами и консерваторами, и радикалы с обеих сторон оказываются в изоляции¹⁸.

Выдвигая программу реформ, Горбачёв заявлял, что перестройка даёт шанс партийным консерваторам принять активное участие в преобразованиях. То, в чём его противники усматривали нерешительность и колебания, объективно выражало стремление избежать враждебного противостояния реформаторов и консерваторов, не допустить их лобового столкновения, интегрировать и тех, и других в реформационный процесс. В стране, где доминировала конфронтационная политическая культура, такой курс политики встречал ожесточённое сопротивление со стороны правых и левых радикалов, пользовавшихся большим влиянием в политической жизни. Негативную роль сыграли и ошибки в перестройке политических институтов, осуществлявших в советском обществе контрольные функции.

Серьёзным просчётом стала недооценка приоритетного значения реформирования КПСС, её социал-демократической переориентации. Партия была отодвинута на обочину политической жизни, уступив место ещё не устоявшимся парламентским структурам. Верхушка партийной бюрократии, которая и без того находилась в оппозиции к перестройке, в большинстве своём оказалась в лагере открытых противников демократических преобразований.

Вот что по этому поводу говорит сам Горбачёв: «Я думаю (и это называю своей первой ошибкой), что промедление с реформой КПСС привело к тому, что она, по сути, стала тормозом этих жизненно важных процессов»¹⁹.

Конечно, отстранение КПСС от руководства политическим процессом убрало рогатки и препоны с пути демократического развития. Но партия в советском обществе была стержнем всей государственной и политической системы. Сохранить структуру государственности, выдернув стержень, можно было лишь при условии замены его какой-то другой осевой

¹⁸ Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. N.Y., 1991.

¹⁹ Независимая газета. 6 апреля 2010 г. Приложение «НГ Политика». С.10.

конструкцией, способной выполнять функции социального контроля и политического регулирования. Но институты демократической государственности только начинали формироваться. В них пришли люди, лишённые политического опыта, случайные попутчики больших перемен, а то и просто авантюристы. Между тем перестройка дала свободу многообразию частных интересов, инициатив и начинаний, которая ничем не дозировалась, не уравновешивалась ростом ответственности за публичный интерес и общее благо.

Лишившись стержня, государство как система потеряло способность противостоять натиску радикалов, адаптироваться к быстро меняющимся условиям. У сторонников перестройки не оказалось механизмов социального контроля, способных противостоять надвигавшемуся стихийному полководью анархии и вседозволенности. Провоцируемая алчущими власти радикалами, эта стихия прокатилась по стране в последующее десятилетие, нанеся обществу болезненные социальные травмы.

Усилия по восстановлению и укреплению государственной вертикали в период путинской стабилизации опять не обошлись без создания партии власти. Не есть ли это «намёк истории» на неизжитую в России практику участия партии власти в государственной системе социального контроля? И не должны ли мы пройти весь этот путь до конца, прежде чем Россия созреет для становления действительно демократической политической системы?

Во всяком случае, в свете последующего постперестроечного опыта ясно видно, что эволюционная трансформация советской системы – альтернатива ельцинскому «слому» государственности – не могла произойти без концентрации главных усилий на демократическом реформировании самой КПСС как партии власти.

Возможности для этого были ограничены. Как говорится, плод перезрел. Нужен был смелый прорыв сквозь институты и ритуалы застывшей политической системы. На этот путь толкал и замшелый консерватизм партийной элиты, и мысли не допускавшей о каких-либо существенных переменах. Но всё же возможности для реформы КПСС были, и динамика этих возможностей была позитивной. Реформистское течение внутри партии росло, его позиции укреплялись, рано или поздно оно бы взяло верх. Конечно, для этого потребовалось бы много лет, может быть, даже десятилетий. Реформаторы же стремились двигаться к демократии быстрее и не всегда должным образом соизмеряли свои намерения и

действия с коридором реальных возможностей. Это способствовало тому, что в последней декаде XX века восторжествовала логика радикально-либеральной ломки, которая дала российской реформации иной поворот и породила кризис демократического развития.

Другая линия стыковки в реформационном процессе проходит между ельцинским периодом и путинской стабилизацией.

«Демократы ельцинского призыва», кто лицемерно, а кто по наивности, имитировавшие в 1990-е гг. демократические реформы в России по западному образцу, пытаются представить этот период в розовом цвете. В их представлении, «лихие девяностые», разрушившие устои российской государственности, создавшие на её руинах систему «свободы для сильных» (нুবоришей олигархов и освобождённой от партийного и общественного контроля бюрократии), чуть ли ни положили начало для продвижения России к демократии. Ясно, что с этой точки зрения «путинская стабилизация», хотя бы частично ограничившая радикал-либеральную вольницу, выглядит поворотом от демократии к авторитаризму. Выше было показано, что это не так, что «откат» от демократических рубежей реформации, завоёванных перестройкой, произошёл гораздо раньше, в ельцинский период имитационной демократии, под покровом которой формировался фундамент современного российского авторитаризма²⁰.

Так что авторитарные тенденции путинской стабилизации – это не отход от политики власти в 1990-е гг., а прямое её продолжение. И тем либеральным демократам, которые сетуют на автократические шаги власти в нулевые годы нового века, можно только сказать словами мольеровского персонажа: «Ты сам этого хотел, Жорж Данден».

Различие двух периодов заключается совсем в другом. Когда дефолт 1998 г. наглядно вскрыл экстремальную остроту кризиса ельцинского режима, и разгул «свободы» от государственности достиг опасных пределов, за которыми возникла реальная угроза полной потери управляемости и развала страны, перемены стали неизбежными. Анархии вседозволенности была противопоставлена политика укрепления административной вертикали власти. Эта политика обеспечила относительный социально-политический

²⁰ См.: А. А. Галкин, Ю. А. Красин. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М.: Весь мир, 1998; А. Галкин, Ю. Красин. Критика российского авторитаризма М.: Институт социологии РАН, 1995.

порядок (стабилизацию), но не стала альтернативой авторитаризму и даже усилила авторитарные тенденции.

Существовала ли альтернатива, с которой ещё в ельцинский период многие связывали перспективу возрождения перестроечных традиций?²¹

Такая альтернатива существовала. Но для её реализации в критической ситуации (подобная ситуация сложилась в России после дефолта), когда возможности тех, кто берёт на себя миссию «исправления положения», резко возрастают, нужен политический лидер, обладающий способностью и политической волей, чтобы подняться выше управленческих задач упорядочения сложившейся политической системы и сделать смелый стратегический выбор²².

Пока на стыках постперестроечных этапов условий для такого выбора не оказалось. Приходится констатировать, что до настоящего момента траектория российской реформации по своей стратегической направленности не вышла на уровень начального этапа. Это значит, предстоят новые повороты, прежде чем политическое развитие России, если не возродит полномасштабно демократический дух и энергетику перестройки, то, по крайней мере, войдёт в проторенное ею русло поиска ответов на императивные вызовы современности.

Перестройка была началом эпохи реформации. Естественно, она не могла поставить и решить весь объём её задач. С одной стороны, многие из них встали позднее, выросли из опыта достижений и неудач перестройки. С другой стороны, в силу быстрых изменений обстановки и критериев оценки многое из того, что было или казалось значимым в середине 1980-х гг., сегодня забыто, потеряно или сознательно выброшено за борт мейнстрима современной российской истории.

Обозрение постперестроечной ретроспективы помогает нащупать логику происходящих изменений и наметить долговременную систему координат, позволяющую оценить нынешний баланс достижений и потерь на

²¹ А. Галкин, Ю. Красин. Сильная демократия – альтернатива авторитаризму. М.: Институт социологии РАН, 1996.

²² В 2002-2003 гг. мы с А. А. Галкиным связывали эту надежду на сильного лидера с личностью вновь избранного президента В. В. Путина, который имел огромный кредит доверия со стороны общества. Мы писали, что «многое в России на ближайшие годы будет зависеть от взглядов и решений первого лица в государстве. А войдёт ли он в историю в качестве видного деятеля или просто выполнит некую переходную функцию политического менеджера, – это покажет будущее» (А. А. Галкин, Ю. А. Красин. Россия: Quo Vadis? М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 245). Тогдашнее будущее становится сегодня настоящим, давая материал для ответа на поставленный вопрос.

пути российской реформации. **Несомненные приобретения**, истоки которых восходят к советской перестройке, – это гласность, частная инициатива, право свободного выбора, идеологическое раскрепощение, возможности самореализации и – на международной арене – явное снижение угрозы всемирной ядерной катастрофы, открывающее для человечества перспективу демократического мирового порядка. **Несомненные утраты** общества постперестроечных лет связаны с запредельным ростом социального неравенства, с разительным контрастом богатства немногих и унижительной бедности большинства, с усилением авторитарных тенденций, с культивированием эгоизма и разрушением общественных солидарностей, с падением нравственности. А на мировой арене – со снижением уровня всеобщей безопасности вследствие возникновения новых очагов напряжённости, новых глобальных угроз, терроризма, возобновления гонки вооружений и опасных игр с ядерным оружием.

Столь резкие колебания баланса потерь и достижений в ходе реформации заставляют задуматься не только об ответственности разных поколений российской политической элиты за мотивы и последствия своей деятельности. Предметом исследования должен стать вопрос о глубинных корнях той исторической реверсии, которая обнаружилась уже в самой перестройке, а затем в 1990-е гг. привела к авторитарному откату от, казалось бы, уже достигнутых демократических рубежей.

Исторические корни реверсии

Вдумываясь в логику четверть вековой трансформации российской реальности, осмысливая изломы и противоречия на этом пути, естественно задаться вопросом о том, была ли последовавшая за перестройкой реверсия, неизбежна или стала следствием незрелости субъективного фактора, ошибочных замыслов и деяний политических сил, партий, лидеров, возглавлявших власть в различные периоды реформации? Ответ на вопрос, почему за «прорывом» последовал «откат», важен не только для оценки глубинной сути перестройки, но и для понимания того, что происходит сейчас, а главное – каковы перспективы развития постсоветских обществ.

Дело, по-видимому, в том, что связанный с перестройкой социально-экономический и духовно-политический поворот был столь крутым, что его плавное и безболезненное продолжение вряд ли было возможно. Это почувствовалось в ходе самой перестройки. 1989-ый год – кульминация перестройки как во внутренней, так и в международной ипостаси, но это и

год нарастающей тревоги – уже ощущались первые симптомы зарождавшейся реверсии.

Слишком тяжкими были гири авторитарного наследия – и не только сталинского деспотизма, но и многовековой истории российского самодержавия, взрастившего и авторитарную политическую культуру, и соответствующую «народную» психологию. На международной арене слишком глубокими оказались исторические корни национально-государственного эгоизма, питавшего традиционную «реалистическую политику». Это помешало наиболее влиятельным державам использовать открывшийся шанс для «смены вех» – от подозрительности и враждебности к доверию и кооперации между государствами. Сказались недальновидность и слабость политической воли правящих элит, не сумевших осознать и должным образом оценить теоретическую глубину и практическую значимость идей и принципов нового мышления, поднятых перестройкой на уровень мировой политики.

Реверсия в социально-экономическом и политическом развитии России, в международном развитии после перестройки, буквально на грани XX–XXI веков была обусловлена крупными общественными переменами, которые пришли в противоречие с исторической инерцией.

Во-первых, произошёл драматический провал «социалистического эксперимента», который на протяжении семи десятилетий держал мир в напряжении. Великая Русская революция была не только источником страха, исходившего от конфронтации двух систем, но и позитивной энергетикой альтернативного капитализму развития. И вот в тот самый момент, когда индустриально-потребительская цивилизация, вскормившая капитализм и обретшая в нём свой мощный двигатель, свернула к тупику, «великий эксперимент», обещавший человечеству иной путь к эффективному общественному устройству, провалился.

С октября 1917 г. альтернатива артикулировала себя в ошеломительном стремлении перестроить социум на иных принципах, чем те, на которых зиждился капитализм. Вызов был брошен не только своей стране, а и всему миру. Многие лучшие умы своего времени пытались разобраться и оценить значение этого эксперимента. Несмотря на гигантские издержки, неудачи и жестокие репрессии, советский опыт содержал в себе огромную притягательную силу на всех континентах, потому что ставка делалась на будущее, на альтернативную модель цивилизационного устройства. О том,

насколько серьёзным был вызов, свидетельствует тот факт, что капиталистическая система вынуждена была на него реагировать собственной модификацией. Она извлекала уроки из советского опыта и прибегала к стратегии «перехвата» советских социально-экономических новаций.

И вдруг «социалистический эксперимент» в одночасье завершился крахом, а маячившая за ним альтернатива испарилась. Рухнула «социалистическая система», похоронив под обломками мифы о преимуществах «реального социализма». Стало очевидным, что в результате «эксперимента» не найдены новые цивилизационные ценности и стимулы развития. Это был явный и показательный проигрыш в пользу старой капиталистической системы. Выяснилось, что «реальный социализм» – это худший вариант той же самой индустриальной цивилизации, обременённый вдобавок пороками авторитарно-бюрократического строя и низким жизненным уровнем населения. Обвал системы вынес на поверхность и продемонстрировал мировой общественности всю грязь и кровь, всю «свинцовую мерзость», сопутствовавшую достижениям «реального социализма». Мир содрогнулся и отринул советскую модель. Это была плата за чудовищные преступления сталинизма.

Вслед за социалистической системой рухнуло и международное коммунистическое движение. Оно, по сути, было вторичным образованием по отношению к системе, держалось главным образом на её материальной поддержке, а также на идейной и морально-политической солидарности с «могущественной державой». Своё влияние сохранили лишь те коммунистические партии, которые успели пустить национальные корни и полностью не идентифицировались в общественном мнении с «реальным социализмом». Но и они практически утратили идеологическую функцию провозвестников альтернативного будущего и, скорее, прагматически приспособились к новым реальностям капиталистической системы.

Благодаря давнему критическому отношению к СССР и «реальному социализму» гораздо меньший урон понесло социал-демократическое движение. Однако вследствие общего падения популярности и привлекательности социалистической идеи потускнела его идентичность. На длительный исторический период социал-демократия оказалась в тени либерализма и в кильватере либеральной политики.

В общем итоге изменилась вся дислокация сил в мире в пользу капитализма, а значит, и в пользу органически сросшейся с ним индустриально-потребительской цивилизации. Но главное – на горизонте всемирной истории померкла звезда великой утопии, которая несла в себе вдохновенную надежду на устранение «эксплуататорской цивилизации». Поиск альтернативы вновь переместился в недра самой капиталистической системы, которая к этому времени получила и стала активно осваивать дополнительные ресурсы в борьбе за своё выживание.

Во-вторых, начавшийся переход наиболее продвинутых капиталистических обществ к инновационному типу развития придал новое дыхание индустриально-потребительской системе и тем самым способствовал укреплению её инерционной жизнеспособности.

В отличие от индустриализма ИТР базируется на творческой энергетике общества, «экономике знаний», высоких технологиях. Центр тяжести общественного производства с материальных факторов перемещается в интеллектуальную сферу – информация, знания, творчество. Это требует раскрытия и мобилизации новых ресурсов потенциала человека и всего социума. Человеческий капитал начинает играть доминирующую роль во всей системе общественного производства. На передний план выходит «развитие общественного индивида», что в свою очередь диктует необходимость создания творческой среды и формирования инновационной культуры.

Возникая в пространстве высокотехнологичных и наукоёмких отраслей производства, ИТР распространяет своё влияние на все сферы общественной жизни. На основе описания этих тенденций в гуманитарной науке появились концепции нарождающегося «нового общества». По своему объективному смыслу концепции постиндустриализма, абсолютизирующие инновационный тренд современных высоких технологий, вроде как корреспондируют с протестным движением против индустриально-потребительской цивилизации. Это движение, громко возвестившее о себе в конце 1960-х гг., выросло из убеждения, что потребительство заводит общество в тупик духовной пустоты и конформизма.

«Стремление к приобретательству и жажда повышения, – говорит герой повести французского писателя Ж. Кюртиса, – вот самые надёжные гарантии политической покорности и конформизма. ... Всегда в погоне за всем самоновейшим, загипнотизированные проблемами-однодневками, в

вечных метаниях за новыми товарами ширпотреба и за новыми развлечениями, какие только может им сервировать «культура», кондиционированная всеобщим снобизмом»²³.

Писателю вторит идеолог новых левых того времени Г. Маркузе: «Нужда во владении, потреблении, обладании и постоянном обновлении приспособлений, механизмов, инструментов, изобретений, предлагаемых людям и влияющих на них, нужда в использовании этих вещей ... становится «биологической» потребностью ...». Потребительская система «бросила якорь в самой структуре инстинктов»²⁴.

Естественно, духовная опустошенность потребительского общества вызывала протесты, особенно среди молодёжи. Цель протестного движения – найти способ выхода из застойного состояния и духовной опустошенности индустриально-потребительской цивилизации. Но преодолеть её, по мнению теоретика постиндустриализма Д. Белла, можно без разрушительных протестных действий, а опираясь на сами инновационные технологии и практику их внедрения. Как результат этих технологических инноваций в лоне самой «потребительской цивилизации» зарождаются очаги свободного творчества, формируются креативные монады, «закрывающие в себе образ будущего общества». Альтернативные модели социального устройства становятся вообще ненужными, не нужны и «революционные прорывы» к ним. Надо просто участвовать в длительном инновационном марше сквозь институты существующей системы.

В-третьих, происходящая в мире глобализация также породила противоречия, способствующие реверсии.

Очевидно, что, глобализационные процессы, формирующие целостный мир, – аргумент в пользу нового мышления. Глобализация определяет принципиально новые подходы к мировой политике, к проблемам войны и мира, к национальной и международной безопасности. Ключевой принцип этих подходов – безусловный приоритет общечеловеческих интересов и ценностей по сравнению с национально-государственными, социально-классовыми и другими особыми и односторонними интересами и целями. Вместе с тем в многообразном и неравномерно развивающемся мире самые могущественные державы получают возможность поставить глобализацию на службу собственным интересам в ущерб другим.

²³Кюртис Ж., Перек Ж., Нурисье Ф. Французские повести. М., 1972. С. 150-151.

²⁴Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston, 1969. P. 4.

Именно так поступили державы НАТО, в первую очередь Соединенные Штаты, приняв стратегию Вашингтонского консенсуса, ориентированную на унификацию мира по западным образцам при гегемонии США. Глобализация в такой форме не могла споспешествовать формированию демократического мирового порядка. Вызвала серьёзное сопротивление и на государственно-национальном уровне (особенно, в мусульманском и вообще «третьем мире»), и массовое общественное антиглобалистское движение. Последовали рецидивы холодной войны, а затем и тенденции к усилению международной напряжённости и гонки вооружений. Произошла явная реверсия мирового развития.

Одновременно у лидеров западных держав с конца 1980-х гг. возник соблазн воспользоваться ослаблением СССР, а потом и его распадом в сиюминутных эгоистических целях. «Внешняя политика США, – пишут американские политологи Д. Айкенберри и Д. Дьюдни, – столь успешная в эпоху окончания холодной войны, начала преследовать цели, противоречащие принципам достигнутых тогда договорённостей. Это стало особенно очевидно при администрациях Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего, когда Соединённые Штаты стремились достичь краткосрочных и вторичных целей, принеся в жертву более фундаментальные интересы»²⁵.

Очевидно, такая недалёковидная политика западных держав также стимулировала реверсию – от показавшей свою эффективность новой мировой политики к прежней национально-государственной и блоковой её модели, к воспроизводству силовой политики.

В-четвёртых, сильное влияние на постперестроечное развитие российского общества оказала своеобразная социально-психологическая реакция населения на потребительские аспекты рыночной экономики. Если индустриально развитые страны запада уже прошли пик «потребительского синдрома» и общество там накопило социальный опыт для критического отношения к негативным последствиям потребительства, то в России этого опыта не было. Большинство населения, уставшего от вечного дефицита необходимых для жизни товаров, приход «потребительской цивилизации» воспринимался с ожиданием улучшения положения на потребительском рынке. В самом деле, почему российский народ с таким энтузиазмом встретивший перестройку и, казалось, бесповоротно избравший для себя

²⁵ Айкенберри Д. и Дьюдни Д. Как перевернуть страницу в американо-российских отношениях? // Россия в глобальной политике. 2010. №1.

свободу и демократию, так легко примирился с авторитарным курсом радикально-либеральных реформ, насаждавших в России «дикий» капитализм?

Общество столкнулось с «великим искушением» благосостояния и достатка. Пройдя сквозь тяжелейшие испытания XX века, российский народ в своём большинстве так и не обрёл сколько-нибудь достойного уровня жизни. И это в богатейшей стране, не обделённой талантливыми и трудолюбивыми людьми! Можно сколько угодно говорить об ограниченности и бесперспективности «индустриально-потребительского общества», но эти аргументы не убедительны для населения страны, всегда страдавшей от недопотребления.

Великое искушение «сытой жизни» и «потребительского рая» создало в постперестроечной России благоприятную психологическую атмосферу для реверсных политических процессов. Радикально-либеральная политика искусно использовала массовые ожидания, предложив народу имитационный, красочно расписанный, но беспочвенный вариант общества благоденствия. И если при этом проводимый властью курс сопровождается хотя бы малой толикой даров от нефтегазовых сверхприбылей (хотя львиная доля их обеспечивает благоденствие государственно-олигархической элиты), то вряд ли можно сомневаться, куда метнётся неискушённое большинство.

Итак, после пришедшейся на 1989 г. кульминации прорыва к новой цивилизации мощные факторы подталкивали не только Россию, но и всё человеческое сообщество к более или менее длительному этапу **консервативной реверсии**. Предстояло пережить исторические изломы и зигзаги. И мы их переживаем. Однако потребность в продолжении и углублении перестроечного «прорыва» постоянно даёт о себе знать. От неё исходят новые и новые импульсы. Они отчётливо проявились в зеркале недавнего мирового экономического кризиса, вновь высветившего российские и глобальные императивы XXI века.

Каков наш выбор сегодня?

Каким всё же будет выбор общества и политической элиты в переживаемый период российской реформации?

В России, как уже отмечалось, за постперестроечное время сложился политический режим «мягкого авторитаризма». Этот феномен был замечен

политической наукой ещё в середине 90-х гг. прошлого века, когда обнаружилось, что западная модель либеральной демократии не укореняется в странах с неразвитым гражданским обществом и слабыми традициями общественной самодеятельности. Там возникает иная модель, отвечающая существующим национальным реалиям. Для неё, по описанию западных политологов, характерна концентрация властных полномочий в руках узкого круга правящей элиты в сочетании с относительной свободой деятельности для граждан, которые не посягают на монополию власти в принятии политических решений²⁶.

О том, что такая модель формируется в России, специалисты из «Горбачёв-Фонда» писали ещё в 2000 г. Проанализировав сценарии политического развития страны, они пришли к заключению, что наиболее вероятным является вариант «мягкого авторитаризма». Он в наибольшей степени отвечает не только отечественным традициям и историческому опыту, но и нынешней политической обстановке. Общество, уставшее от анархии и беспорядка, готово принять эту форму правления, которая способствует консолидации политической элиты и создаёт условия для возрождения государственности, так необходимой для выживания и развития России²⁷.

Режим «мягкого авторитаризма» – это не «конец демократии», как оценивают ситуацию в России американские политологи Майкл Макфол и Кэтрин Стоунер-Вайсс, в интерпретации которых нынешний российский режим – это «политический термидор» после реформ 1990-х гг., изображаемых вопреки очевидным фактам чуть ли не образцом демократизма²⁸.

Модель «мягкого авторитаризма» очерчивает тот коридор возможностей, по которому движется и, скорее всего, ещё долго будет двигаться российское общество. Попытки выйти за пределы этого коридора и волевым усилием утвердить в России имитационную модель демократии по западному образцу, к чему призывает внесистемная оппозиция, могут обернуться ещё большими потерями для демократического развития

²⁶ Darendorf R. Can We Combine Economic Opportunity with Civil Society and Political Liberty? // *The Responsive Community*. 1995. Vol. 5. № 3; Bell D. A Communitarian Critique of Authoritarianism: The Case of Singapore // *Political Theory*. 1997. Vol. 25. № 1.

²⁷ Самоопределение России: Доклад по итогам исследования «Россия в формирующейся глобальной системе», проведённого Центром глобальных программ «Горбачёв-Фонда» в 1998–2000 гг. // *Труды Фонда Горбачёва*. Т. 5. М., 2000. С. 435.

²⁸ **McFaul M., Stoner-Weiss K.** The Myth of the Authoritarian Model. How Putin's Crackdown Holds Russia Back // *Foreign Affairs*. 2008. January–February.

общества, чем «откат» ельцинского периода. Как справедливо отмечает сотрудник Фонда Карнеги А. Ливен, за дверьми кабинета Путина своей очереди ожидает отнюдь не Т. Джефферсон, а человек, представляющий движение «столь же авторитарное, но только более националистическое, более антизападное, более популистское и менее приверженное рыночным реформам»²⁹.

«Мягкий авторитаризм» способен эволюционировать как в направлении постепенной демократизации общества, так и в направлении «жёсткого авторитаризма». Вероятность реализации последнего сценария представляется не очень высокой: уж слишком он расходится с потребностями российского общества и стремлениями людей, ощутивших вкус свободы и самостоятельности. Конечно, путь развития «мягкого авторитаризма» не предопределён. Нельзя исключать дальнейшего ужесточения авторитаризма. Однако «откатные» тенденции в политическом развитии российского общества наталкиваются сегодня на целый ряд серьёзных препятствий:

– в современном глобализирующемся мире государство не в состоянии осуществлять тотальный контроль над информационными и культурными потоками, что лишает автократию её главного козыря – «монополии на истину»;

– провозглашённая Россией перспектива перехода к инновационному типу развития порождает потребность в работнике с широким кругозором, а такой работник, как правило, тяготеет к демократическим порядкам и либеральным ценностям;

– несмотря на общую слабость российского гражданского общества, некоторые его очаги сохранились, и они могут стать базой для мобилизации демократических сил, их активного участия в политической жизни;

– со времён перестройки в России, вопреки всем авторитарным препонам, существует публичная сфера, а значит и условия для того, чтобы общество размышляло о своём политическом развитии;

– авторитарному дрейфу России мешает противодействие демократической общественности на международном уровне.

²⁹ Lieven A. The Essential Vladimir Putin: a Semiauthoritarian Present is Russia's Best Hope for a Liberal Future // Foreign Policy. 2005. January–February. P. 72.

С учётом всех этих факторов более вероятной кажется постепенная эволюция «мягкого авторитаризма» к более демократичным формам политического управления. Для этого власть нуждается в расширении социальной базы и повышении доверия со стороны общества. Но это, в свою очередь, требует замены либерально корпоративистского курса политики, ориентированного, прежде всего, на интересы богатых и сильных (государственной бюрократии и крупного олигархического капитала), на демократический курс с сильной коммунитарной составляющей, акцентирующей внимание на общем благе, солидарности, социальной справедливости и равенстве.

Либерализация России – необходимая компонента демократической реформации общества. Приобщение страны к постиндустриальному миру предполагает раскрепощение личности, формирование работника нового, инновационного типа, обладающего свободой выбора и способного к такому выбору. Но можно ли решить эту задачу в России по модели либерального индивидуализма? Пока что «свобода личности» по этой модели вылилась в разрушение солидарных связей и разгул частного и корпоративного эгоизма, в рост социального неравенства, расколовшего общество на богатых и бедных. Ситуация крайне неблагоприятная для становления демократии.

России нужна демократическая либерализация. Но для её реализации недостаточно частично скорректировать либеральную политику. Потребуется изменить вектор политики, ограничить неравенство и устранить такие его формы, которые воспринимаются общественным мнением как явно несправедливые. Либеральное начало предстоит сбалансировать с коммунитарным началом. Либеральный принцип частной предприимчивости нуждается в противовесе – в коммунитарно-демократическом принципе социальной солидарности и ответственности всех граждан и государства перед обществом. Это отвечает историческим и социокультурным особенностям российского общества. По результатам социологических опросов в нулевые годы наступившего века, число россиян, предпочитающих реформу при сохранении социалистических начал, превышает число тех, кто не принимает этих начал³⁰.

Нынешняя власть оказалась перед выбором: либо упорно продолжать проталкивать либерализм сверху недемократическими средствами и вопреки желаниям большинства населения, либо перевести политику либерализма на

³⁰ См.: Горшков М., Петухов В. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя. С. 380.

демократические рельсы. Как пишет С. Коэн, «сторонники Путина из числа олигархов хотят иметь преторианца Пиночета, который защитил бы их самих и их богатства, но миллионы других россиян надеются, что он развернётся и станет для них Рузвельтом или де Голлем»³¹.

Устоит ли режим «мягкого авторитаризма» перед «авторитарным соблазном» осуществить модернизацию России сверху, либерально-автократическими методами? По сути дела, это вопрос о выборе направления развития страны: пойдёт ли оно вспять к жёстким формам авторитаризма, чреватый очередным застоём и утратой шансов на будущее, или вперёд – к демократии и современному обществу инновационного типа.

Режиму присущи авторитарные черты и тенденции. Это не значит, однако, что он превратился в некий монолит. Экономические и социальные потребности, как отмечалось, создают определённые возможности для постепенной демократической эволюции «мягкого авторитаризма».

Обычно демократическая вертикаль власти лимитируется системой сдержек и противовесов как в самой власти, так и в гражданском обществе. Российскому обществу ещё далеко до этого, поскольку оно продолжает двигаться по колее «отката». И всё же у России есть шанс, войдя в коридор реальных политических возможностей, продвигаться по нему к более полноценной демократии, пусть медленно, но зато без резких откатов и отступлений.

Власть поставлена в такое положение, при котором она не может управлять по-старому. В России сложилась своего рода «реформационная ситуация», когда объективно назрела и перезрела модернизация всей общественной системы. Альтернатива – процессы общественной деградации, уже захватывающие целые регионы страны и сферы социума, о чём свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падения трудовой этики, роста жестокости и отчуждения, депопуляции обширных территорий. Власть бессильна остановить, а порой и сдержать эти губительные процессы.

Неспособность власти справиться с ситуацией побуждает правящую элиту думать об изменении способов правления. Потребность в переменах требует гибких творческих решений, подрывающих жёсткость административной вертикали; требует гражданской инициативы и массового

³¹ Cohen S. Failed Crusade. P. 209.

энтузиазма, что противоречит авторитарным методам правления. Механизмы ручного управления всё чаще дают сбой, порождая у правящей верхушки неуверенность в себе. Всё её поведение представляет собой смесь растерянности, робкого поиска иных подходов, страха за своё будущее. Она вынуждена маневрировать, невольно расширяя круг участников политического процесса, допуская в него умеренных оппонентов власти.

Авторитарный режим под давлением невозможности отвести угрозы автократическими методами начинает проявлять некоторую гибкость. В нём образуются трещины, расширяющие публичную сферу, арену общественной рефлексии вокруг проблем развития российского общества. Эти слабо наметившиеся тенденции сулят некоторую надежду, можно сказать, содержат «намёк» на постепенную эволюцию политической системы, на поэтапную консолидацию в её рамках политической оппозиции и появление новых демократических альтернатив, способных изменить авторитарный вектор государственной политики.

В общественно-политическую жизнь вносится фермент, способный стать катализатором создания в стране конкурентной среды, необходимой для поиска адекватных ответов на современные вызовы, для утверждения инновационного типа социально-экономического развития и формирования устойчивой демократии – внутренних источников саморазвития и самообновления общества.

По мере осознания правящей элитой императивной необходимости обновления экономики, инициируемые «сверху» задачи технологической модернизации, независимо от намерений власти, обретают политический смысл. Наталкиваясь на барьеры политической системы, решение этих задач стимулирует её демократизацию, расширяя тем самым возможности модернизации общества в целом.

Императивные потребности эпохи больших перемен подталкивают российское общество к движению, которое должно изменить траекторию его политического развития: от авторитарной реверсии постперестроечных десятилетий к новому демократическому «прорыву», но на более высоком витке исторической спирали, с несравненно большими возможностями и результатами, чем те, которые были в годы перестройки.

Уроки перестройки для России и мирового сообщества

Уходят годы, и контуры конкретных событий перестройки размываются временем. Но с отдалённой дистанции чётче видятся её достижения и недоработки, и те заблуждения, которых нельзя было избежать при «прорыве» такого масштаба. И главное – яснее становится связь времён. За неповторимой и порой непонятной современникам конкретикой тех ушедших лет более рельефно проступает то, что объединяет нас с романтически приподнятыми, насыщенными творческой энергетикой временами. Это помогает понять современность и выбрать адекватные стратегии поведения. Речь идёт об исторических уроках, объясняющих незавершённость перестройки и весьма значимых для решения узловых проблем нынешнего этапа российской реформации и мирового развития.

Перестройка показала, что *только энергия общественной самодеятельности в состоянии дать импульс долговременным преобразованиям социума*, освобождающим его от застоя и расчищающим завалы на пути к свободному социальному творчеству. Вторая половина 1980-х гг. явила миру «чудо» пробуждения советского общества, казалось бы, навсегда впавшего в летаргический сон «брежневской фиесты». Именно перед валом гражданских инициатив отступили бюрократические структуры партийно-государственного аппарата, до того «с успехом» противостоявшие любым попыткам реформирования сложившихся порядков. Воспряло гражданское общество. Несмотря на отсутствие опыта и умения подступиться к сложным проблемам, оно получало широкий простор для развития. Жизнь общества фонтанировала. Открылись шлюзы прямого общения власти с народом. «Живое творчество народа» проявилось в массовых митингах и демонстрациях, в активной деятельности общественных организаций. На политическую арену вышла целая плеяда молодых и талантливых людей, приверженных демократическим идеалам и радевших за интересы общества.

После того, как в 1990-е гг. демократический порыв снизу был придавлен «великим обманом» радикально либерального эксперимента, российское общество вновь впало в состояние, близкое к «политической спячке». Об этом уроке перестройки не мешало бы вспомнить правящей элите, стремящейся к монополии одной партии, которая, не имея ясной идеологии и перспективной программы, по сути выполняет инструментальные функции при власти, устраняя из политической жизни оппозицию, противодействуя формированию в обществе конкурентной среды, жизненно необходимой для полноценной демократии. Не случайно в

этой обстановке в обществе заговорили о «новой перестройке». Конечно, сегодня иные времена, иные задачи. Но без подъёма массовой энергии общества, без постепенного, но неуклонного расширения сферы свободы, самодеятельности и самоорганизации граждан вряд ли осуществимы грандиозные планы модернизации российского социума.

Перестройка продемонстрировала **необходимость сохранения правящей элитой рычагов контроля над событиями на весь период реформ.** Ослабление этих рычагов, намеренное разрушение противниками перестройки устоев государственности привели к потере контроля над процессом перемен, к возрождению авторитарного отчуждения власти от общества.

Оппоненты нынешнего политического режима призывают к демонтажу вертикали государственной власти и возврату к политической системе 1990-х годов, в которой преобладали черты хаоса и анархии. Из истории, в том числе и недавней, хорошо известен парадокс: благими намерениями «полного освобождения» от государственности вымощена дорога к автократии. Другое дело, что усиление государственности не тождественно росту авторитаризма, нарушению принципа разделения властей и ограничению права граждан на свободу выбора. Сильное государство – это сильная демократия. Действительный путь демократизации России – это поиск меры оптимального взаимодействия государственной вертикали исполнительной власти и общественной самодеятельности и самоорганизации. Нарушение этой меры чревато либо усилением авторитарных тенденций и ограничением демократии (что наблюдается сегодня), либо потерей общественной стабильности и разгулом вседозволенности.

Перестройка была устремлена **к гуманистическому обществу, в котором рыночные механизмы экономического развития сочетались с высокими культурными и нравственными ценностями человеческого общежития.** Современная экономика не может полагаться только на стихию рынка; в ней рыночное регулирование должно сочетаться с активной социально-экономической ролью государства. Важно удерживать рыночные отношения в тех рамках, в которых они наиболее эффективны. Они не могут заменить государство в поддержании производственной, транспортной и бытовой инфраструктуры, развития фундаментальной науки и технического прогресса, образования и культуры. Горбачёв, выступая за развитие

рыночных отношений и вхождение страны в мировой рынок, постоянно подчёркивал значимость общечеловеческих ценностей, выходящих за эти пределы.

В 90-е гг. прошлого века, когда произошёл поворот в ином направлении, рынок стал самоцелью, доминирующим критерием развития, превратился в фетиш. На этой основе наметилась всеобщая коммерциализация общества, дегуманизация общественных отношений. Впереди вырисовывается тупик бездуховного общества, в котором люди будут лишены радости человеческого общения. Наследие перестройки взывает к тому, чтобы богатство деятельных способностей человека развивалось всесторонне, чтобы общество было открыто к восприятию и воплощению разнообразных ценностей – либеральных, социалистических, консервативных.

Перестройка показала, что *прорыв к гуманистической цивилизации не может ограничиться национальными рамками и требует нового мирового порядка*. Отвечая на глобальные вызовы, прежде всего на угрозу термоядерного Армагеддона, перестройка сделала реальные шаги к миру без ядерного оружия, к демократическому мировому порядку.

О чём говорит тот факт, что после перестройки в мировой политике вновь произошёл «откат» к привычным методам «реальной политики». Это свидетельствует о том, что новое поколение мировых лидеров оказалось не на высоте глобальных императивов и попыталось повернуть течение истории вспять. В результате мировая политика вновь столкнулась с теми же проблемами, решение которых инициировала перестройка.

Зигзаги российской реформации происходят в глобализирующемся мире. Естественно, она испытывает на себе воздействие кризисных ситуаций на мировой арене. Они вскрывают не только внутренние социально-политические проблемы России, но и некоторые глобальные проблемы, решение которых требует кооперации усилий всего мирового сообщества, а значит и российского участия в этом общем деле.

Само возникновение мировых кризисов и напряжений, порождаемые ими неопределённости и риски, а как следствие – необычность и непредсказуемость развития событий и вызываемое этим смятение умов как на уровне обыденного сознания, так и на высоком интеллектуальном уровне, наглядно свидетельствует о больших пробелах в глобальном регулировании

мировых процессов. Самым слабым звеном в решении задачи сознательного управления миром является политическая сфера. Если в национальных масштабах функцию управления в этой сфере выполняют государства и правительства, то в глобальном пространстве подобных политических структур нет, не считая Организации Объединенных Наций, которая явно не в состоянии взять на себя эту миссию и, по общему признанию, сама нуждается в серьёзном реформировании.

Между тем в мировой экономике появились мощные наднациональные игроки, деятельность которых свободна от политических ограничений и достаточно сильных рычагов правового регулирования. Подобная «неуправляемая ситуация» приносит всем государствам и в целом мировому сообществу большие неприятности и ещё большие угрозы. Потребность в глобальных правовых и политических регуляторах – исключительно острая. Не случайно предметом горячих дискуссий вновь стали вопросы о «мировом правительстве» и «глобальном гражданском обществе». Но, пока они ведутся на далёких подступах к практической реализации глобального политического регулирования, очевидно, что прямых аналогий с национальными механизмами в мировом сообществе быть не может. Постоянно возникающие очаги напряжений в системе международных отношений стимулируют поиск правильных решений. Россия заинтересована участвовать в этом поиске, ибо это прямо связано с её политическим самоопределением в меняющемся мире.

Другое социально-политическое следствие глобализации, влияние которого стремительно растёт, – это миграция, точнее, её новое качество, обретенное сегодня. Миграционные потоки и прежде играли большую роль в мировой истории. Достаточно напомнить о колонизации американского континента. В век глобализации эти потоки не только возросли по объёму, но и превратились в своеобразные каналы перераспределения напряжения, генерируемого противоречиями мирового социума.

На склоне XX столетия С. Хантингтон предрёк «столкновение цивилизаций», которое представлялось как внешняя конфронтация «третьего мира» и «золотого миллиарда». Но опасность предстала и в ином обличье. Слишком высокий перепад уровней жизни и развития в двух зонах мирового социума, плотно сближенных «коммуникационной революцией», подстегнул неудержимые миграционные переливы населения, захлестнувшие вожаделенные «постиндустриальные очаги» относительного благополучия и

безмятежности. В итоге узлы мировых противоречий в зоне «третьего мира» перестали быть для богатых стран чисто внешними. Эти противоречия воспроизводятся в странах, которые, казалось бы, уже покончили с социально-классовой борьбой и овладели политической культурой согласия и консенсуса.

Глубокие корни недальновидного эгоизма «реальной политики» наглядно показывают значимость идей нового мышления. Бедствия и тревоги мировых экономических и военно-политических кризисов – это недвусмысленный сигнал мировому сообществу, подтверждающий, что в меняющемся социуме необходимо менять и парадигму международной политики. Можно сказать, что перестройка высветила путь к новому мировому порядку на целую историческую эпоху.

Как бы кто ни относился к внешней политике перестройки, во имя самосохранения человечество обязано идти по намеченному ею пути – к формированию гибкой системы межнациональных и наднациональных связей и организаций, способных оказывать регулирующее воздействие на экономические, социальные, политические, военные, духовные процессы мирового развития.

В логике силового политического мышления это кажется завораживающей сказкой. В логике нового мышления, в иной системе отсчёта вполне возможно и даже необходимо такое мироустройство, которое представляет собой не строго очерченное статус-кво, поддерживаемое принуждением, а устойчивое и одновременно подвижное равновесие, опирающееся на межгосударственное согласие, чутко реагирующее на динамику национально-государственных интересов и способное к саморегулированию.

Нынешнее состояние и дальнейшая судьба нового мышления, конечно, зависят и от тех изменений, которые происходят в общественном сознании, в системе воззрений и ценностей. В муках формирующийся «мир миров» остро нуждается в новой социальной концепции, которая позволила бы увидеть действительность во всём многообразии и в то же время не расчленить его на несовместимые и противоборствующие сегменты. Пока новое социальное видение мира ещё не сложилось в целостную концепцию. Идёт накопление материала. В переосмыслении нуждается весь спектр социальной проблематики, начиная с прикладной этики и практической политики и кончая абстрактными теоретическими категориями. Всё острее ощущается

приближение времени крупных социально-философских обобщений. Работа в этом направлении наталкивается на консерватизм старых представлений.

Сквозь призму накопленного опыта перестроечная идея нового мышления предстаёт в ином свете. Угасла наивная вера, что вдохновлённые благородной идеей государственные лидеры быстро откажутся от национально-корпоративного эгоизма и зложат фундамент нового мирового порядка, основанного на общечеловеческой кооперации. Расставание с прошлым оказалось не простым, строительство будущего – ещё более сложным. Но прорывная идея оставила неизгладимый след. Её главный смысл полностью сохраняет свою злободневную значимость. Потому что новое политическое мышление – не случайный зигзаг и не дань моде, а выражение глубинной потребности рода человеческого осознать себя единым целым и сознательно творить свою историю.

«Политика – искусство возможного» – хорошо известный афоризм. Комментируя его, классик политической мысли Макс Вебер говорил, что «возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному»³².

Перестройка была как раз тем историческим временем, когда прорыв в будущее раздвинул горизонты того, что возможно. Она не могла в полной мере достичь своих целей: они слишком масштабны, чтобы прийти к ним сразу. Но перестройка положила начало великому делу: вызвала к жизни процессы, несущие в себе ответы на императивы XXI века. Поэтому её уроки и спустя десятилетия, и на долгую перспективу остаются и останутся всё так же злободневными.

В XX веке Россия дважды была ареной драматических событий, которые не только круто меняли вектор её внутреннего развития, но и потрясали мир, давая импульс масштабным трансформациям мирового сообщества. В начале века Октябрьская революция 1917 г. расколола мир на две системы и положила начало великому социальному эксперименту создания альтернативного капитализму общества. Хотя эксперимент закончился неудачей, и за него России пришлось заплатить непомерно высокую цену, под воздействием этих процессов мир изменился коренным образом. В конце века советская перестройка, открыв путь демократической

³² Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 528.

реформации российского общества и завершения «холодной войны», вновь стимулировала долговременные исторические процессы, последствия которых, несомненно, будут сказываться на протяжении всего столетия.

Перестройка вписалась в историю демократии как одна из её самых ярких страниц. Страсти ещё не улеглись, вопросы, поднятые перестройкой, остаются в фокусе современной политики. Чем дальше уходит от нас вторая половина 80-х гг. прошлого века, тем беспристрастней суждения о перестройке и её последствиях. Тем полнее и рельефнее проявится вся историческая значимость того, что сделано реформаторами восьмидесятых.

Время окончательных оценок ещё не наступило. Споры о перестройке будут продолжаться и впредь. Но то, что уже свершилось, подтверждает: перестройка стала знаменательной вехой российской и мировой истории.